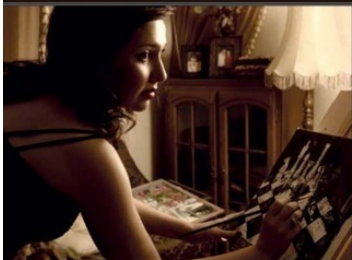

Юлия Румянцева

Юлия Румянцева • ТРИНАДЦАТЬ •

• ЮЛИЯ РУМЯНЦЕВА •

• ТРИНАДЦАТЬ •

ТРИНАДЦАТЬ

Исторический роман

Юлия Геннадьевна Румянцева

Тринадцать.

Исторический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607382

ISBN 9785449040374

Аннотация

Исторический роман описывает события, которые происходят на заре XII века в Киевской Руси. В центре повествования – фигура князя Андрея Боголюбского, легендарного героя истории, перенесшего столицу Руси из царь-града Киева в город Владимир на Клязьме. Событиям, описанным в книге, предшествует история князя. Автор находит объяснение историческим загадкам и предлагает правдивое повествование, основанное на изучении летописей жизни Великой Руси.

Содержание

О художнике	5
Книга 1	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	45
Книга 2	57
Глава 1	57
Глава 2	65
Глава 3	73
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Тринадцать

Исторический роман

Юлия Геннадьевна
Румянцева

*«Дорогой мамочке, вдохновителю, цензору,
посвящается»*

© Юлия Геннадьевна Румянцева, 2019

ISBN 978-5-4490-4037-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О художнике

Автор иллюстраций Александр Ерашов (творческий псевдоним АМАНИТА), 1972 г.р.

Член Союза художников Казахстана (2010) и Творческого Союза Художников России (2017).

По мнению искусствоведов, Александр Ерашов входит в число лучших молодых художников-графиков современности. Его работы находятся в государственных и частных коллекциях России, Германии, Франции, Голландии.

Рецензия

Возможность понять историю Русского народа начинается с желания это сделать. Причём желать надо беспристрастно, быть не рационалистически настроенным, тем или иным, партийцем а реалистом со всесторонним целостным жизненным опытом. Опыт познания устройства мира, а через это устройства человеческих отношений – интересует моих современников всё меньше и меньше. Тем более, опыт познания воли Творца. Но, были люди в былое время,, богатыри не мы...» О таком чудо-богатыре, в котором сплелись воедино сила Духа, воплотившаяся в грандиозность замыслов, широта души, охватившая мировые просторы, и крепость тела, подтвержденная в ратных подвигах. Перед нами роман о Святом благоверном великом князе Всея Руси Андрее Боголюбском. Талант дается от родовых корней и по молитвам, но полезным для семьи он становится только на благодатной почве вечных истин, ведь только вечное может дать, не теряющийся во времени, смысл Жизни. Будущий самодержец родился русским по праву и русским по крови, как бы не хотели очернить его облик патийные эксперты. Становление княжеского отрока происходило на Святой земле, к тому времени освобожденной крестовым походом от мусульман. Те времена еще не проросли семенами католицизма, и многие западные правители и воины придерживались восточной

исповедальной традиции Византии. (Об этом можно спорить и надо спорить, чтобы разглядеть Истину). В этой победоносной среде восточного христианства и воспитывался святой князь-воин-строитель-исповедник, впитавший в себя все основы мироздания, зарекомендовавший себя, как верный соратник, которого выдвинули в главу рыцарского ордена, для единения под знаменем Христа всех стремящихся к Нему. Рыцарские ордена это инструмент работающий на определенную цель, и часто он со временем попадает в паразитические руки. Поэтому со временем идея о разрушении всего того что, горя всем сердцем, создавал Великий князь, охватила корыстные круги закулисья. Историкам еще предстоит доказать, как осуществлялись планы благоверного князя по защите православных людей от растовщического капитала, прикрывавшегося папизмом, и почему в этот период начались, близкие по времени, смерти православных единомышленников и нападения орд, кочевников» на Святую Русь.

Книга которую вы надеюсь прочтете, в увлекательно-художественной форме раскрывает взаимоотношения людей древнего времени, перенося нас в современность, и это всё происходит на фоне описания русской природы и архитектуры, как будто вы смотрите фильм и слушаете красивую музыку. Приятного и поучительного вам прочтения.

Председатель РОО содействие воспитанию патриотизма и духовно-нравственных основ русских граждан, Святой благоверный великий князь Александр Невский»

Фатеев Р. А.

*«Бывает нечто, о чем говорят
«смотри, вот это новое»; но это было
уже в веках, бывших прежде нас».*

*«Что было, то и теперь есть, и что будет,
то уже было, и Бог воззовет прошедшее».*

Царь Соломон (Екклесиаст 1:9—10; 3:15)

оранжевые цвета потолок не совсем обычное дело для просыпающегося молодого человека.

Вот уже третий месяц, как Сэм совершенным дикарем переехал за город на бескрайние просторы Суздальского ополья, купив огромные гектары, объехать которые пришлось бы потратить пару добрых часов. Есть что-то волшебное в этом месте. Вечером, когда темнеет, звезды сияют так близко, что, кажется, можно дотронуться рукой, и холодный мерцающий свет отражается в лунной дорожке, по которой как будто можно забраться ввысь.

Да, это именно то сказочное место, которое стало за два месяца Сэминым домом под названием ферма. Удивительно, как быстро проект вошел в его сознание и сделал своим заложником, – оставлять ферму надолго стало невозможным и даже преступным!

С самого утра она начинала жить собственной жизнью. Вереницей съезжались машины с материалами, люди, как в муравейнике, перетаскивали бревна, везде полным ходом шло строительство, и вот уже новенькие домики с пьянящим запахом свежей древесины вырастают как грибы осенью на полянке, а дирижер этого оркестра, почти совсем проснувшись, разглядывал потолок собственного рыже-ультрамаринового производства. Для аскетичной комнаты, больше похожей на келью монаха, это действительно стало украшением.

Что же ее все-таки отличало от жилища слуги-теля Господа, так это вешалка из неотесанной березы, сохранившая природный рельеф, на которой висели белоснежные дизайнерские рубашки, напоминающие о второй жизни в городе.

В дверь постучали, и сразу возникла голова в синем платке:

– Доброе утро, – пробасила она. Это помощница по хозяйству – высокая крупная женщина, как будто срисованная с некрасовских стихов, коня на скаку остановит. Впрочем, это чистая правда – коня она и вправду останавливает, работая конюхом на ферме. Удивительная профессия для женщины наших времен, подумал Сэм, а вслух протянул:

– Доброе утро!

– Дорогу размыло, строители не приедут. Вчерашние работники сегодня ушли, – запричитала скороговоркой она.

Правда, подумал он, в России совсем не любят работать, это вам не Америка, где он прожил последние пятнадцать лет.

– Хорошо, я сейчас иду, найдем других. Спасибо!

Голова утвердительно кивнула и исчезла. За два месяца он перестал запоминать их имена. Надев резиновые сапоги, он вышел.

Тягучий влажный воздух дунул в лицо, земля была

мокрой после ночного дождя, но игривые лучи майского солнца обещали все исправить. Двойной эспрессо, вот о чем просила утренняя душа художника. Совсем недавно он готовил его на огромном генераторе, сейчас уже, пройдя первобытно-общинный строй фермы, начался прогресс с прелестями цивилизации в виде электричества и сопутствующих ему благ – чайников, электроплит.

На веранде открывался вид на стройный ряд золотых куполов суздальских куполов, там же расположилась новенькая плаза и спутниковая тарелка, выглядевшая здесь как инопланетное оборудование. Неподалеку в конюшне стояли два жеребца, привезенные недавно с конезавода. Мощными ноздрями они жадно вдыхали майский воздух. Имя для одного он уже подобрал, причем животное сразу признало его, как будто было в курсе всех успехов машиностроения.

– Бентли, – позвал Сэм, конь ответил веселым ржанием. Дух свободы понимаешь, когда находишься взаперти, подумал он.

Вот уж что действительно ценил Сэм, в масштаб его личности этот дух вполне гармонично умещался и гулял на вверенном ему пространстве и показывался при любом удобном случае. Особенно на холсте — вот где в полном объеме он обретал форму. Сэм писал с детства. Когда он написал первую свою картину? — задумался молодой

человек. Нет, не вспомнить, кажется, что родился с красками. Его картины отражают некий мистический мир, внутренний космос событий и всего живого на земле. Животные, деревья — все предстает в антураже невероятных красочных миров, похожих на античные метафоры, на геометрическое выражение некой формулы мироздания. Рисунок линий создает иллюзию движения, соединяющего все вокруг: далекий космос и песчинки, ход жизни в огромной вселенной. Краски являются отпечатком его жизни, настроения и состояния души, представляют собой некий внутренний отчет о проделанной работе. Холсту он отдается полностью, входя в некий транс своего сознания и выплескивая сиюминутное настроение. Это самая большое увлечение в его жизни. Сэм мечтал посвятить себя искусству, некоторые шаги, впрочем, уже сделаны, он улыбнулся, вспомнив, как дал свой первый автограф.

К аромату весеннего утра наконец прибавился долгожданный запах свежесваренного кофе. Вдруг взгляд его наткнулся на необычное сооружение в поле. Прodelав пару быстрых шагов, он понял, что это за странная конструкция. Это были два огромных холста два на три метра,

которые унесло ветром с веранды. «Унесенные ветром, — сказал Сэм, — Какой сильный ветер был ночью, крепко же я спал!» — веселые искорки засверкали в карих глазах.

Глава 2

Утром в Ершалаиме стоял туман, В нем отражались дрожащие очертания куполов, восходящих к рассветным небесам. Путь на Голгофу казался трудным и недостижимым, как во времена Иисуса и Его последнего пути. Андрей медленно поднимался по вымощенной мостовой. «Господи, – молил он, – неужели я последний раз поднимаюсь к Гробу Твоему?» За последние семь лет он не мыслил себя без этого святого места. Он привык к своей бессоннице и, как только рассветало, приходил сюда вместе с ключниками, открывавшими церковь каждый день в четыре часа утра. Вот и сегодня, наконец-то преодолев дорогу, он знал, что осталось восемь шагов, и подошел к воротам, ручкой которых служил медный лев. Андрей откинул со лба русые волосы, сжал крест на груди, и вошел в храм. С Микулой они отмерили два часа, и Князю

нужно было проститься со своими любимыми местами — белоснежные стены Ершалаима были уже родными для него. «Я перенесу центр мира, Господи», — сказал он горячо возле иконы. Несмотря на раннее утро, воздух был горячий и влажный, свечи трепетали и создавалось ощущение, что все пришло в движение в горячей молитве Андрея. Истово перекрестившись, он склонился перед иконой Божьей Матери, с самого детства он чувствовал связь с Ней: Она приходила к нему во сне, гладила по русой кудрявой голове, после Ее посещений он не чувствовал себя сиротой. Путь в Киев предстоит нелегкий, и он уже чувствовал, что скучает по городу Господа. «Я перенесу Твою частицу с Собой, — слезы, обжигая, катились по лицу князя. — Милостью твоей, Господи, благослови меня», — и вышел из храма. Осталось меньше часа, пора! У основания Елеонской горы есть церковь Крестовосцев, по преданию, здесь была погребена Пресвятая Богородица, Андрей взял там небольшой камень — это была главная его драгоценность, вывозимая из Ершалаимского королевства.

Яффский порт встретил князя стоявшими у причала разнообразными причудливыми судами, это были в основном торговые корабли, поставляющие различные товары в Византию. Андрей выискивал глазами Миколу, который должен был собрать незатейливый скарб молодого князя, и потерял уж всякую надежду, как вдруг он воз-

ник на повозке, новенькая соломенная шляпа совершенно нелепо смотрелась в сочетании с рыжей бородой Миколы.

– А коня-то три ты куда взял?

– Так — деть на рынок успел.

Путь неблизкий предстоит, ну, где наша ладья набойная?__

– Киевские сразу видать, – ответил князь, – что-то, а постройка судов у нас добротная.

Наконец за византийским трехъярусным триером показалась незатейливая на первый взгляд ладья. Но Андрей знал, что особенность ее состояла в том, что, мелко сидя на речной воде, она легко шла по морской волне.

Палицы, копья, мечи сияли на ярком солнце. Дружина прибыла месяц назад, и воины, отдохнувшие уже от дальнего пути, снова были готовы в дорогу.

– Ну, с Богом, – сказал Андрей, и дружинники перекрестились. Князь передал воеводе аккуратно свернутое полотно.

– Этот стяг новый, водрузите на мачту. Под моим гербом пойдем, – в воздухе, шевеля ноздрями от порывов ветра, смотрел на удаляющийся берег лев точь-в-точь как на воротах у храма.

Глава 3

«Он исчез!! – решил Сэм. – Только недавно я видел этот злосчастный телефон», – и, услышав его мысли, раздался веселый звонок «Гуд бай, Америка, ооо...». – Алло, – голос в трубке звучал женственно и строго одновременно, – пытаюсь дозвониться собственному сыну.

– Я уже здесь, – весело ответил Сэм.

Радостный тон был проигнорирован, и женщина продолжала с нотками легкого недовольства:

– Ты, надеюсь, помнишь, что я сегодня приезжаю и стесняюсь спросить, наверно, помнишь во сколько? Глаза его резко округлились, а в трубку он сказал:

– Конечно, Солнышко, я встречаю. И, выдержав паузу, мурлыкающим голосом спросил:

– А во сколько?

На другом конце провода он уловил ее мягкую улыбку.

– Ну конечно, – сказала она, – так я и знала! В 17.30, на «Сапсане», постарайся не опаздывать.

– Конечно, обнял!

«Мама», – он улыбнулся. Эта уникальная женщина научила его жизни, кроме того, что дала ее. Татьяна была не из тех, кто может легко затеряться в толпе. У нее была внешность древней царицы. Прямую и царственную осанку не могли скрыть даже объемные свитера, которые она любила надевать, приезжая на ферму и снимая наконец городские строгие костюмы.

Глаза ее в зависимости от настроения меняли цвет от светло-серого до изумрудного. Сэм точно знал, что, увидев драгоценный цвет, нужно немедленно уносить ноги.

В далекой Америке (сейчас она казалась чем-то из другой жизни) она научила его бизнесу.

– Мам, я хочу свой бизнес, – сказал как-то он ей.

– Ого!! Так-так, – она выжидающе смотрела на

Сэма. Наконец он решился:

– Мне нужно пятнадцать тысяч долларов, – выпалил он скороговоркой.

– Хорошо, – после размышлений ответила она, погладив его по щеке, – пиши договор.

– Какой договор, мам?

– Обыкновенный, – сказала она, – сумма, дата, сроки и проценты соответственно.

Сэм был потрясен, пытаясь сопротивляться:

– Даже дядя мой давал мне просто так, под честное слово, – выпалил он, стараясь понять смысл услышанного.

– Ну конечно, и ты уже отдал? – с иронией продолжала она.

– Мы в процессе, – гордо ответил Сэм.

– Вот поэтому пишем договор, – и она спокойно продолжила изучать утренний выпуск газет.

– Не мать, химера! – вздохнул он.

С тех пор Сэм научился составлять договоры в свою пользу. Именно мама дала ему бесценный опыт, что впоследствии оберегло его от многих ошибок и корыстных людей. Достаточно добродушный от природы, он все же не очень любил, когда его используют.

День закрутился обычной уже для него фермерской рутинной, в разгаре которой выяснилось, что исчезла лошадь, кончилась солярка и что пора ехать во Владимир. После ночного дождя эта трасса больше смахивала на Париж—Дакар, но, зная все местные ухабы, джип несся, виляя хвостом, как добродушный пес.

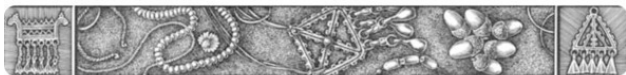
Преодолев сложную часть дороги, Сэм расслабился, из приемника лилась ритмичная музыка, и он стал отбивать ей в такт.

Показался город, который год назад пленил молодого американца, двигавшегося как раз по этой дороге

и, казалось, случайно заброшенного сюда невесть каким ветром.

Особенно величественной и сказочной предстает южная панорама в закатные часы, когда пойма и городские высоты тонут в молочном тумане, и пламенеющие в последних лучах солнца белокаменные соборы кажутся фантастическим видением.

Глава 4

Прошло больше месяца, как князь Андрей находился в пути, и вот наконец показались златоглавые церкви столицы Руси. Киев-град – именно туда звал его отец Юрий на постоянную борьбу ростово-суздальских князей с волынскими за киевский стол. Все это больше походило на семейную ссору.

«Князь пошел, князь решил, князь свершил» — и неважно, сколько было князю: шесть лет, тридцать три года или восьмой десяток шел, так учил его дед Владимир. Он был ему примером во всем, правда, помнил Андрей его обрывками, уж больно мал он был в ту пору.

Помнит один эпизод, когда взял Владимир тогда пяти лет от роду Андрея на охоту, не на шутку напугав бабку, воспитанную по строгим правилам английского двора. Страх ее можно было понять: ее сын чуть не погиб на охоте и вылезился после молитв Гиты Святому Пантелеймону.

В ту ночь Мстиславу с распоротым животом, из

которого вываливались внутренности, приснился сон. Во сне он увидел образ Святого, склонившегося над его постелью.

Бабушка и увезла Андрея еще подростком, выполнив обещание совершить паломничество в Ершалаим. Она больше походила на повзрослевшую девушку, чем

бабушку, ее тонкие пальцы он помнил на ощупь. Микола прервал его воспоминания:

– Князь, в палаты сразу? Ждут уж нас, наверно?
– Ждут, послали гонца, – Андрей оглядывался кругом.

В подтверждение его слов послышался колокольный звон. Весть, значит, дошла уже о вернувшем-

ся сыне.

Город был укреплен земляным валом с деревянными стенами и глубоким рвом. Вереницы людей стекались на городскую площадь к златоглавой великой церкви Киево-Печерской лавры. Женщины в цветастых платках на голове сидели прямо на вымощенной мостовой, кто-то молился на коленях с котомками за спиной, скорее всего это были паломники, решил про себя князь. Дружной вереницей пробежали мимо дети, напугав лошадей.

Все они, как один, были в похожих костюмах и белых шляпах, как он читал из частых писем отца, здесь была открыта государственная школа.

Дальше их взору представилась необычная процессия: двое торговцев несли ковер невиданной князем красоты. Киев показался Андрею огромным улием, великий княжеский двор располагался неподалеку, сточные воды издавали гнилостный запах, и после Ершалоима с его степенной и помпезной жизнью русский город напоминал уездную деревню. Князь обратил внимание на огромные деревья, густо насаженные и покрытые плодами, но сады Константинополя, где он гостил у греческих царей, приходившихся ему родственниками, не шли ни в какое сравнение своими пышными

и ухоженными лабиринтами. С детства тянувшегося к красоте князя не впечатлял этот град. Думал он и про предстоящие вечевые сходки, и при этих мыслях поперечная морщина становилась отчетливо вырезанной на его красивом лице. Отца же он любил, хоть и не считал

его идеальным правителем, не снискал Юрий у горожан славу в погоне за престолом Киевским. Жадный и раздражительный, он скорее походил на писаря, который соглашается со всеми фактами, излагаемыми ему. Нрав же самого Андрея нельзя было назвать кратким. Смелый от природы, он готов был броситься в бой в любую минуту, и в быту его нельзя было застать врасплох, часто принимал не по возрасту мудрые, истинно Соломоновы решения. Чаше отец нуждался в советах мудрого сына. Он был чудесно воспитан, знал пять языков, тянулся к музыке и живописи, подробно постигая и обращая внимание на все детали.

Показался княжеский Терем. Это было причудливое сооружение: к северу примыкал пристроенный связывающий собор с колокольной, и, хотя строители и пытались использовать в его обработке колончатый пояс, они создали лишь очень безвкусную и грубую подделку. Далее проходил излом, отвечающий излому южного склона, его ядром был златоглавый собор. Андрей спешил и затем взбежал по скрипучей деревянной лестнице.

Послышался смех и громкие голоса, они становились все более разборчивыми с необычными для него гортанными звуками с мягким произношением. Обычно ему хватало пары недель, чтобы подражать особенным наречиям носителей языков.

Князь зашел в светлые сени, бояре сидели в ярко-

синих, красных, зеленых расписных одеждах, некоторые из которых были оторочены мехами. При виде его они встали и поклонились в пояс.

Скрипнула тяжелая окованная дверь, и появился князь Юрий, они молча обнялись, расцеловались:

– С возвращением, сын мой возлюбленный! – серые выцветшие глаза его наполнились слезами, они присели на лавки. Андрей рассматривал отца: он изменился, постарел. На нем был накинут плащ с застежкой на плече, на ногах – остроносые сапоги.

– Дай-ка рассмотрю тебя внимательно, – продолжал отец, окинул молодого князя взглядом и сжал кулаки на груди, отчего костяшки побелели и приняли неестественный и даже болезненный вид.

Юрий не отличался мужественными чертами: редкие волосы свисали сосульками из-под шапки, нос был острый и крючковатый, плотно сжатые узкие губы свиде-

тельствовали о подозрительной натуре князя. Во всем же его образе читалось что-то хищное и нервное.

– Я рад нашей встрече, отец, готов служить тебе и Руси верой и правдой. – Бояре одобрительно закивали бородами головами.

– Ну, что же, располагайся, Китай! Баньку прикажу да вздремни, вечером пир закатим на весь мир, князя с волостей приедут и Ростислав, брат твой младший! — покачиваясь с носка на пятку, Юрий встал.

Китай, так называла его мама и бабушка дома, он почти забыл это имя, приятно, что отец вспомнил его.

– Конечно, отец, до вечера, осмотрюсь у тебя пока.

Андрея провели в опочивальню и предоставили самому себе. День подходил к концу, багровый закат заливал горницу князя через свинцовые переплеты окон.

Все же что-то тревожное чудилось ему в этом городе.

Разобрав свои сундуки, он наконец лег на резную кровать с балясинами и росписями, покрытую медвежьими шкурами, и забылся богатырским сном.

Проснулся Андрей от колокольного звона, известившего о начале пира. Отец любил пиры и закатывал их по поводу и без, он был первым удельным князем Ростово-Суздальского княжества, перенес престол из Ростова в Суздаль, где и прошло детство князя Андрея. Князь Юрий и тогда не хотел жить с боярами и построил себе резиденцию в Кидекше. Это было не простое

место, по преданию. здесь случилась встреча двух святых братьев – князей Бориса и Глеба, спешивших на зов отца своего – князя Владимира Красно Солнышко. Впоследствии оба они были убиты другим братом — Святополком Окаянным. Он всегда с ужасом вспоминал эту историю, рассказанную ему дедом, представлял, как убивали Бориса на реке Альте, в шатре, когда он молился при лучине. Когда Андрей подрос, отец передал ему меч святого Бориса, который был всегда рядом с ним. Потрогав кожаные ножны, юноша глубоко вздохнул, в этот момент в дверь постучали:

– Кто? – спросил князь, придвигая ближе меч.

– Так прислужница это, подарок от Великого князя принесла, – пропищал тоненький голосок.

– Заходи, – сказал он, вставая.

В двери появилась девушка лет шестнадцати со смешным курносый носом и деловито внесла парчовые наряды.

– Это одежда вам от князя.

Внимание его привлекла парчовая багряная порфира, и в голову пришло:

«Надели на него багряницу и сплели венец из терна, возложили ему на голову и дали в правую руку трость и становясь пред ним на колени насмеялись над ним,

говоря: «Радуйся, царь Иудейский» – и плевали на него, взяв трость, били его по голове, и когда насмеялись над ним, сняли с него багряницу и одели в его одежды и повели на распятие» (Мф. 27-28-31).

«Почему я вспомнил именно это предание?» – подумал князь.

Все это время девушка стояла как истукан, Андрей забыл о ней.

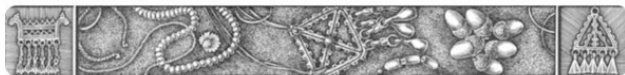
– Я могу идти? – наконец осмелилась спросить она.

– Да, иди.

– Вас ждут на пиру, – пискнула она и удалилась.

Князь Андрей не спеша оделся, взглянул на себя в зеркало: мягкие русые волосы обрамляли высокий лоб, светло-карие глаза окружали густые ресницы, нос немного с горбинкой достался ему от греческих предков, но левой подбородок с ямочкой – это уж точно половецкие корни. Он был невысок, но крепок, с царской осанкой, и даже в простых одеждах видна была порода. Его можно

было назвать красивым, но это была истинная мужская красота. Порфира села как влитая, Андрей остался доволен собой, задул лучину и перекрестившись, вышел. Дымок от погасшей лучины потянулся было за ним

Глава 5

Не отрываясь, Сэм смотрел на тренькающий телефон. Ему казалось, что даже музыка, когда она звонит, звучит громче. «Лучше ответить», – подумал он. В трубке послышалось скороговоркой:

– Сэээээм, у меня пятьсот миллионов вопросов, уже шестьсот, пока дозванивалась.

– Угу, – сказал он.

Слегка успокоившись, что произвела нужный эффект, она уже медленнее продолжала:

– Это полдела, что нашли компанию, организующую нам фуршет, но ты все равно там должен все попробовать, у нас по моим скромным подсчетам 200 гостей!

– Почему не триста? – вкрадчиво спросил он.

– Триста можно, тогда нужно использовать коридор, – совершенно серьезно продолжала она.

Вот в этом весь Юлик, вздохнул Сэм, как и все родственники, он ее так называл, хотя в обычной жизни она была Юлия – некое тотемное имя для избранных. Впрочем, он этому рад. За несколько месяцев их знакомства она плотно заняла позицию друга и наставника в женском лице. Их встреча произошла случайно, когда Юлия узнала о нем от своей сестры. Он снимал у нее квартиру в городе, практически там не бывал, но сводил ее с ума, не выключая свет ни днем ни ночью. Для российского менталитета и хорошей хозяйки это было поистине сверх понимания. Когда же она все-таки случайно застала его, он очаровательно хлопал огромными ресницами и говорил, что в Америке все-е-е так делают!

Все при этом звучало так ошарашивающе убедительно, что в конце концов сестра Юлии перестала с этим бороться. Именно она рассказала о смешном квартиросъемщике, который рисует в ее подвале картины, и в один прекрасный день Юлик позвонила ему и они незамедлительно встретились, перебивая друг друга, как будто были знакомы всю жизнь и даже, может, прошлую. Ею было тотчас же принято решение взять над ним некое шефство в области искусства. Когда она узнала, что у него уже в общей приближенной массе что-то около 500 работ, она воскликнула: – Более 500?! И ты в России не выставлялся?

При этом она закатила глаза от ужаса, как будто он нарушил пакт о ненападении, – нет-нет! Мы делаем твою выставку в новой галерее.

Решения она принимала так же быстро, как дети меняют мины на лице. В следующие два дня она уже перевезла его работы в новенькую, пахнущую краской галерею, открытие которой сейчас активно обсуждалось. Нужно заметить, что писать картины она стала не так давно, а точнее, два года назад, в 37 лет, которые и сейчас ей ни за что не дашь.

Обаяние и кипучая энергия в ней зашкаливали. И хотя, по ее словам, кисточку в руках до этого не держала, картины ее заслужили признание известных художников и получали высокие дипломы на престижных выставках, а когда ее приняли в члены Союза Художников, оставила работу директора преуспевающего страхового агентства и занялась искусством...

В следующие два дня она перевезла его работы в новенькую, еще пахнущую краской галерею, торжественное открытие коей сейчас активно обсуждалось.

– Сэм, – снова послышался ее голос, – и нам еще нужно ночью встретить Никаса, ну мы точно ничего не успеваем!

– Юлик, – Сэм старался говорить по слогам, – успеваем, успокойся, я наберу тебя, когда буду в городе!

– Отлично! Жду тогда! Не смей оставлять старую

больную женщину! Сэм засмеялся:

– Не буду!!

Приезда Никаса ждали все организаторы новой Художественной галереи в городе, многие не верили, что это возможно. Но только не Юлик.

Никас входит в десятку лучших художников мира. Непонятно как заполучив телефон, она пригласила его приехать на открытие новой галереи во Владимире.

– Я очень люблю ваш старинный город, я приеду,
– неожиданно согласился Никас.

Ответственность за это мероприятие возросла до небес: волновались все, но больше всех, конечно, Юлик. И вот все готово – завтра открытие.

Волнение – в апогее...

Договорились встречать Никаса у Золотых ворот, это самое известное место в городе, памятник архитектуры 12 века.

Сэм с Юликом сидели в машине посреди спящего города и ждали.

– Представляешь, – продолжала она, – самое большое разочарование в моей жизни?

– Даже не представляю, – ответил Сэм, сдерживая улыбку.

Я приехала во Владимир, начитавшись о Золотых воротах и..., – она сделала паузу, – Они оказались совершенно не золотыми!!

Сэм засмеялся: – Если подумать, то ты права!

В ее сумочке зазвонил телефон.

– Да-да, мы ждем Вас у Золотых ворот!

Было около двух часов ночи, когда подъехала машина с московскими номерами и из нее вышел высокий статный мужчина.

– Никас! С приходом, мы очень рады! – голос ее дрожал от волнения, – Я – Юлия, а это Сэм.

– Я догадался, – засмеялся Никас и представил своих спутников – очень красивую девушку и водителя. Все вместе поехали в гостиницу, живописно расположенную на склоне холма.

С нарядной веранды открывался удивительный вид на пойму Клязьмы в лунном свете. В ночи бежали огоньки проезжающих через мост автомобилей, а вдали на фоне ночного неба возвышался силуэт величественного Успенского Собора...

Их ждал большой стол с угощением от гостеприимной хозяйки гостиницы.

...Сэм посмотрел на часы, стрелки показывали три ночи, потом на Юлика. Он не мог испортить ее восторг по поводу приезда маэстро, хотя знал, что завтра предстоит ответственный день открытия.

Голос Никаса завораживал, и все непринужденно смеялись за столом. Он был еще и прекрасным рассказчиком.

– Да, да, конечно, в жизни есть удивительные

вещи, – сказал он теплым баритоном. Он был скорее более похож на Иисуса и зрителя мира, чем на знаменитого художника.

– Я помню, как был влюблен в женщину, – продолжал Никас, – она была намного старше меня, и мне все время нужно было выделяться. Она говорила, что любит Украину. Я заверял, что обожаю эту страну и что мое любимое произведение – «Вечера на хуторе близ Диканьки», это было абсолютной правдой.

Он продолжал, затянувшись сигарой и выпуская сизые колечки дыма:

– Прошло много времени, мы потерялись, и вот однажды поехали со знаменитым писателем в турне по Украине. Когда прошли встречи, мы поспешили с провожающим нас водителем на машине к вокзалу, и увидели у дороги живописный колодец с журавлем (это специальное приспособление, чтобы доставать воду ведром). Решили попросить у хозяев колодезной водички. Выйдя из машины, я наткнулся на свалку, решил пройти немного дальше и вдруг... я забыл, за чем шел. Под лучами лунного света я увидел паутину, сотканную из золота, проливающей свет на дом, показавшийся мне совершенно сказочным, с красным шифером, похожим на пряничный домик. Двери были закрыты, краска на ставнях облупилась, видно было, что он давно в запустении. Это было чудесное зрелище, дежавю. Вот что я искал

всю жизнь! Развернув машину удивленного водителя, мы отправились искать местное самоуправление. Наши промыслы счастливо закончились, – продолжал Никас. – Перед нами предстал глава хутора, отмечавший свое шестидесятилетие уже, как выяснилось, пятый день. Не спрашивая, как нас зовут, он налил добрую чарку и отрезал сало. Я объяснил ему предмет своего интереса, на что он сказал:

– Я дарю его тебе! А вы кто, собственно?

– Я художник, мой друг – писатель...

– Ааа, – протянул он, – маляр и писака...

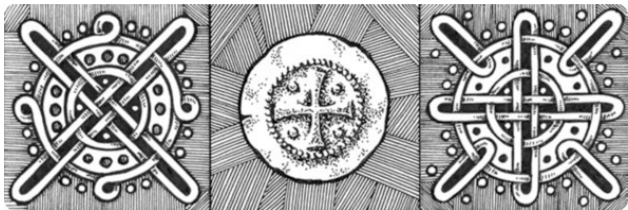
– Я хочу купить этот дом, – продолжал Никас.

Голубые глаза с покрасневшими жилками на минуту прояснились, он долго за чем-то ходил и наконец победно водрузил на стол потертую книгу и стал листать пожелтевшие страницы.

– Вот, – он ткнул пальцем в старую запись, написанную каллиграфическим почерком, – ее!

Когда я увидел ее имя, той женщины, в которую был давным-давно влюблен, я просто не мог поверить в это, – он выпустил еще одно колечко и сказал:

– Чудеса сбываются...

Глава 6

Князь услышал голос отца:

– Сорок столов накрыть для моей дружины!

Везде плясали скоморохи и дудели в рожки из бересты, полы были вымощены спилами пеньков, настланы кругами.

– Чаши подставляй, – слышалось отовсюду. Все было освещено факелами, князь Андрей шел к отцовскому столу.

– Позволь, княже, слово молвить!

Князь Юрий Долгорукий взмахнул рукой, приглашая на место рядом с ним. При свете факелов его лицо

казалось изрезано морщинами, он был одет в белую рубаху и узорчатую шубу.

– Говори, князь Андрей. – Чуть поодаль полилась стройная песня о славном граде.

– За Русь! – Князь встал и поднял резной ковш.

– Эх, – ответил Юрий, – великая судьба – великое рабство!

– Ну что же, отец, на все воля Божья!

– Мудр ты, сын мой, – заметил князь.

В языках пламени видны были раскрасневшиеся боярские лица дружины, слева сидел воевода. Раздался громкий смех, князь Юрий усмехнулся:

– А вон Барыло, боярин, могуч, но дерзок!

Андрей искал глазами брата Ростислава. В это время между столами катили бочки с вином, скоморохи то и дело пускались в пляс, красные тканые скатерти покрывали огромные столы.

Сначала несли кислую капусту с сельдями. Затем стали подавать икру, свежесоленную, черного крепкого посола. Андрей соскучился по настоящей русской кухне. Рыбьи головы сменяли друг друга – лососина, белорыбица, осетрина, белужина. От этого изобилия переходили к ухе. В огромных чанах даже издали чувствовался ее запах.

– Стерляжья! – кричал повар.

– Лещевая! – вторил ему второй.

– Судачья! – нараспев продолжал третий.

Причудливые пироги с начинкой из вязиги, сельди подавались им первым.

– Вареные раки в честь приезда князя!

Столы гудели, деревянные расписные чарки переполнялись вином.

Далее следовали жареные лебеди, сотня жареных павлинов, у которых распущенные хвосты качались над каждым блюдом в виде опахала.

Дружина наперебой чествовала князя Андрея.

Юрий доверительно склонился к сыну:

– Что же ты молчишь, княже, молви, слушаю тебя!

– Брата хочу видеть, Ростислава, – сказал он.

– Открой мне душу свою, – тихо продолжал отец.

– Отец, – ответил он тихо, – я хочу домой вернуться, в Ростов, храм построю, который куполами взор людской ласкать будет.

– Дворец тебе не подходит, – князь заметно сердился. – Молчи да слушай, дружина довольна не будет!

– Да что дружина твоя, отец? Услышат звон злата, прибегут! Была бы Русь довольна, – он отхлебнул из ковша.

К ним подошел статный юноша. Он был крепок, невысокого роста, глаза как угли, казалось, они прожигают насквозь.

Рукоятка меча, украшенная яхонтами, сверкала

при свете факелов и свечей.

– Брат, Князь Великий, Китаюшка! – он схватил его в крепкие объятия. – Сколько мы не виделись?

– Целую вечность, – улыбнулся Андрей.

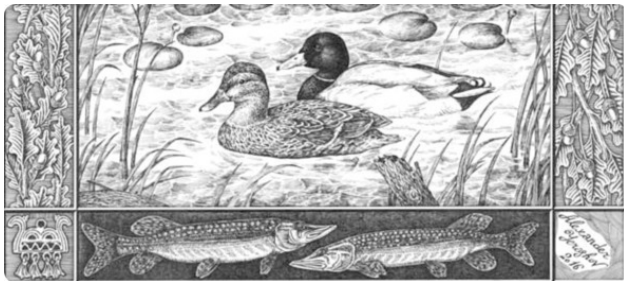
– Подставляй-ка чашу, сам меду налью.

Андрей разглядывал его, отчего тот покраснел. Он был с детства настолько робок, что первое слово замолвить боялся. С тех пор возмужал, но что-то было все же робкое в нем, заметил Андрей.

– Персты наши одного перста камня держат, – горячо сказал он, поднимая чашу, пена стекала по рукаву, он выпил все до дна и перевернул, показывая свою преданность и пустое содержимое резной чаши, расписанной причудливыми животными. Вытер рот белой рубахой и спросил отца:

– Завтра вече собираешь?

Юрий кивнул и задумался, вдалеке на вертеле жарили мясо оленя, толстый повар отрезал куски и кидал их холопам и собакам. Небо было звездным, и языки факелов вторили застывшему огню далеких__

Глава 7

Утро выдалось туманным, как часто бывает в этих краях. Дурманяще пахло необычными цветами и травами, Андрей никак не мог очнуться от странного сна, который нельзя было облечь в человеческий смысл: масса краски плыла на него, но почему-то не пачкала, огромная ультрамариновая масса, и вдруг в ней появились алые оттенки и потоки, никаких людей и образов. И сколько он ни просыпался, поворачивался на другой бок, сон упорно преследовал его.

Князь смотрел дальше и вскоре услышал голос: «Все дети на этой земле мифологизируют свое рождение». Во сне он подумал: а что он знает о своем рождении?

Он хотел услышать правду, более того, он знал, что у него есть предназначение, и чем пламенней и пытливей Андрей думал, пытаясь приблизиться к истине, тем дальше, казалось, она удалялась. И вдруг он увидел фигуру женщины, он протянул к ней руку, но она стала уходить и через некоторое время исчезла совсем, затем

юноша проснулся.

Мягкие перины в отцовском доме располагали к неге, но, привыкнув за долгие годы вставать с первыми лучами солнца, князь поднялся, кости немного затекли, голова побаливала от вчерашних медов, но в целом он чувствовал себя прекрасно.

– Скажите мне правду, – вслух сказал он, вспоминая свой сон.

Князь вышел во двор, везде слышался звук метел, которые убирали вчерашний мусор, но поднимали еще больший столб пыли. Засидевшихся на пиру утаскивали за ноги, столы были уже чисты, и о вчерашнем застолье напоминал лишь замок из пустых бочек.

Умывшись из купели, Андрей огляделся, увидел дозорного, наблюдавшего за ним, и вдруг помахал ему по-мальчишески. Смущенный страж устремил свой взор в дальние дали, еще больше насмешив Андрея. Навстречу ему, громко пыхтя, шел боярин Барыло в красном кафтане.

– Чего медлишь? – спросил Андрей. – Вече зови!

– Так ведь не велено еще, – тот пожал плечами.

– Так я велю, – строго сказал князь.

– Будет исполнено, князь! – скороговоркой произнес боярин и побежал к колокольне.

Колокол неугомонно звенел, собирая вече. Площадь была полна людьми: женщинами с младенцами

на руках, боярами, скоморохами. Последние кувыркались по площади и дудели в берестяные рожки, гул все больше и больше поднимался над площадью, и запоздавшие горожане искали место, откуда им хоть что-нибудь будет слышно.

Появился светлейший князь Юрий – на караульной башне закончили звонницу.

– Слава князю! – понеслось со всех сторон, шапки полетели в небо, младенцы залились в плаче, некоторые же принесли дубовые листья и, помахивая ими, приветствовали знать. Князь начал:

– Судьба наша и нашей великой державы пошатнулась! Понял я и вижу, что Изяслав Мистиславович — недруг наш, дань не присылает в княжество, беспорядки творит на Волыни. Посылаю сыновей своих Андрея и Ростислава, хочу узнать: зачем смуту затеял?

– Велика честь нам, отец, – ответил Андрей.

– Не честь, а дело, – сказал князь Юрий. – Сыну же моему, Андрею, даю княжествовать в Вышгороде.

– Спасибо, княже, – Андрей тряхнул курчавой головой.

– Собираем войско и идем на Волынь! Пополним казну киевскую и научим разуму Изяслава.

В ту ночь он плохо спал, пред ним предстала прорубь, он нагой шел в нее, несмотря на холод и страх, три раза перекрестившись, он окунулся в ледяную

воду, искупавшись, Андрей почувствовал успокоение и негу и забылся до утра. Отец рано позвал его к себе, по его поведению молодой князь видел, что тот готовился к чему-то необычному и значимому для него. Андрей уже был осведомлен, что отца недолюбливает народ из-за жадности, любви к женщинам и праздной жизни. Юноша и сам недавно стал свидетелем одной сцены из жизни отца.

Поехав на охоту, они шли на вепря и, наткнувшись на кровавый след, последовали по нему. Тень деревьев ложилась на усталое лицо князя. Они заехали на бедный двор, хозяин, увидев богатых гостей, стал причитывать, что нашел в лесу уже раненого животного. Вышла девушка, на первый взгляд она была похожа на лесную царицу – сбившиеся русые волосы мягкой волной спускались до плеч. Руки, которые она прижимала к груди, поражали своей белизной и идеальностью форм. Глаза цвета аметиста блестели, как редкие камни, в этом захолустье. Они залюбовались девушкой.

– Как зовут-то тебя? – первым молвил князь Юрий.

– Ольга, – склоня голову, ответила она.

Незабываемое лицо незнакомки Андрей уже вчера увидел на пиру, она сидела неподалеку от князя... Женщины... Андрей не понимал, как из-за них можно потерять голову? Ну, впрочем, она была очаровательна, хотя и не знала о власти своей красоты, она была

дана ей свыше, и девушка совершенно не знала, как ею пользоваться.

Огромная туча нависла над городом, сползала потоком на него, искрясь в небе и готовилась погрузить все в свою бездну. Разверзшись наконец, молнии грозно освещали поработанный страхом город, и тяжелые удары грома отчетливо слышались в каждом окне. Ливень разразился немедленно, сметая на своем пути кустарники, цветущие розы и магнолии, топя их в коричневом потоке, сметающем все с лица земли. Постепенно небо стало светло-фиолетовым, а струи воды немного реже. Стихия бушевала, но подавала надежды к спасению. Лошади громко ржали, испугавшись небесного огня, и Андрей как всегда в такие минуты осознавал себя лишь маленькой ладьей, несущейся по Божьей воле по бескрайнему морю вселенной. и свято верил, что ему предназначено исполнить некий Божий замысел. Он чувствовал свое время, осознавал себя в этом времени и точно знал – нужно торопиться, чтобы все успеть. Он любил обращаться к Богу в такие часы, именно когда чувствовал, что он смертен, и в этот раз закончил молиться, когда буря стихла.

Окованная дверь в опочивальню задрожала от стука:

– Кто? – молвил князь.

– Это я, Никон!

– Входи немедля, – ответил Андрей.

Никон вошел с чернильницей и пером в руках.

– Летопись творю, князь. Что пишем?

– А что за срочность такая? – спросил Андрей.

– Да это, – Никон вдохнул, глядя на окно, – последний судный день же!

Андрей от души засмеялся, обнажив ряд белых зубов. Еле успокоившись, сквозь смех он сказал:

– Так и смоет все равно, даже если напишем!

Наконец все сборы были закончены и дружина двинулась в сторону града Волинь. Он находился в бассейне двух рек, и решено было брать лады, к ним приделывать колеса и везти прямо по земле. По дороге к ним должны были примкнуть половцы. Андрей ехал впереди, рядом с ним везли икону Божьей Матери, стяги развевались

над дружиной. Путь был неблизкий, несколько раз останавливались, разбивали лагерь, ставили повозки вокруг. – Конные дозоры, вперед! – распорядился Андрей. Обходя лагерь, он все проверял сам. Недалеко был разбит шатер, Андрей не выпускал из рук меч. Это подарок отца, знаменитый меч князя Бориса, говорят, он заговоренный. Он потрогал сафьяновые ножны с серебряными накладками. Помолившись лику Богородицы, князь задумался о том, как быстрее вернуться в милые его сердцу суздальско-ростовские земли. Как только утренний туман обволок землю, прозвучали трубы, призывающие в поход, сонный князь Юрий позвал Андрея к себе.

– Наши дозоры перехватили гонцов Изяслава, собирает он венгров да поляков и чехов.

Андрей махнул рукой:

– Дружина сильная, да и половцы на подходе, но разумею: князю Галичскому гонца с грамотой послать, он дорожит своим уделом.

– Дело говоришь, – задумался князь Юрий. – Ростислава ко мне, пусть гонцов посылает.

Они двигались к Луцку. К вечеру показались хорошо укрепленные городские стены. Когда войско приблизилось к городу, раздался колокольный набат. Внезапно городские ворота раскрылись, и воины Изяслава устремились вперед, осыпая градом стрел своего не-

приятеля. Первым князь Андрей кинулся в бой: «Русичи, за князя, за Киев!» Дружины сошлись, началась жаркая схватка. Свист бесчисленных стрел, рев труб и первые стоны раненых, железный, громовой лязг столкнувшихся ратей.

Полилась кровь, полетели головы с плеч, кони падали и придавливали своих всадников. Андрей оглянулся, увидел Никона, рубившегося с двумя воинами Изяслава. Враги стали сужать кольцо, окружили со всех сторон. Лошадь его была ранена, внезапно князь увидел направленную в грудь рогатину, но в последний момент Бог решил иначе. Шлем спал, щит сорван, конь, раненный в ноздри, начал метаться в разные стороны, но сзади подоспела дружина. Подбежал воевода, ведя Андрею коня. Раздался резкий рев труб, и воины Изяслава, отбиваясь, бросились под защиту городских стен. Андрей держал совет с Юрием и Ростиславом:

– Заставил ты нас поволноваться, Андрей! Мы уж и не чудили живым тебя увидеть!

– Бог спас! Стал молиться, и спас Он меня! Видно, нужен был я Ему тут!

Ростислав улыбнулся:

– Ну и набожен ты, Андрей!! Наречем тебя Боголюбским теперь и отныне!

– Ладно, сказанное принимаю, – улыбнулся князь.

После двухнедельной осады воины искали себе занятие: кто-то купал лошадей в реке, быстрые воды которой не давали доплывать даже до середины, слышались крики чаек, оплакивающих незавидную судьбу, другие стирали свою одежду и развешивали прямо на деревьях. Где-то неподалеку слышался громкий смех, потрескивали костры, на них в котлах кипела выловленная в реке рыба. Походило это на огромный лагерь, не по случаю войны, скорее, дальней охоты.

Наконец город сдался. Изяслав спешил на помощь осажденным, у которых закончился запас воды, но путь его был прегражден князем Галичским. Спустя несколько часов слух о победе разошелся по стройному лагерю и уже заскучавшим воинам. Оборона рухнула, и победители занялись грабежами и захватывали пленных, которые плелись связанными за лошадьми. Дружина возвращалась домой, князь Юрий наконец получил Киевский престол.

Отцом Андрей был отправлен княжить в Вышго-

род, в шестнадцать верстах от Киева. Город располагался на высоком холме и являлся форпостом, около него переправлялись через Днепр, и когда-то его прадед Владимир содержал здесь триста наложниц. Отец часто навещал Андрея и звал на вече Киевское. Молодой князь был возмущен, что великому князю навязывают мнение бояр, которыми овладевала страсть к получению наживы. Они бесконечно увеличивали дань, чиня распри между городами русскими.

«Един Бог на небе, един Царь на земле» – вспоминался ему Соломон.

Зима выдалась лютая, Андрей проводил время в посте и молитве. Микола ездил по поручениям князя в Киев. Неподалеку от княжеского двора располагался неприметный женский монастырь.

Однажды, услышав о нем и чудотворной иконе, находящейся здесь, князь, надев волчью шубу, пошел туда в ночь Рождества. Ветер завывал, и он тяжело пробирался вперед, склонив голову от сильного ветра. Деревянная дверь, покрытая инеем, примерзла и не открывалась. Андрей с натугой навалился плечом, и вдруг она поддалась. Взору его представилась скромная обитель, но он сразу что-то почувствовал внутри, и по телу прошел озноб, узнаваемый им в пламенных молитвах, когда наступал момент и он чувствовал присутствие Бога. Неведомая сила

двинула его вглубь, и он увидел икону Божьей Матери, лик ее завораживал, очаровывал. Андрей пытался найти слова для описания чудной красоты, но так и не смог. К его удивлению, она вдруг сошла со стены и пошла, нет, поплыла, ведя Андрея за собой. Он протер глаза, но она оставалась на том же месте, указывая на дверь, как будто уйти хотела. Андрей упал на колени и спросил: – Образ твой пречистый, Мать Божья, мной повелевает. Выполню все, что прикажешь.

Он закрыл глаза и почувствовал дрожь, и несмотря на то, что здесь от дыхания шел пар, ему стало очень горячо и ладони увлажнились. С этого дня князь ходил сюда каждое утро в любую погоду. В какой-то день он принял решение уехать в родные края и увезти с собой чудотворную икону, которая, как и он, не хотела здесь находиться.

Вечером, по обыкновению, поужинав нехитро, он сказал Миколе:

– Просит душа моя уехать отсюда, за отца я спокоен, он получил, что хотел, а мне не люб этот город. Время Киевской Руси кончается, брат на брата идет. Вспоминаю ополье широкое, радующее душу мою, трели соловья. Со мной ли ты?

– Князь, – Микола посмотрел на князя влажными черными глазами, – я за тобой хоть на распятие!

– Да не приведи Господи, – улынулся Андрей

в отращенную бороду и прижал рукой Миколу к себе. Сколько он себя помнил, верный слуга был всегда рядом, и, казалось, в дождливый день, когда теней не бывает, он все же был ею.

Книга 2

Глава 1

«Самолет прибыл в аэропорт Тель-Авива, температура воздуха за бортом плюс 35 градусов, температура воды в Средиземном море плюс 24».

«Ну, это еще по-божески», – подумал Сэм. Всю дорогу он проспал в удобном кресле бизнес-класса. Улыбнувшись на прощание стюардессе, он вышел на трап. Даже в льняной рубашке ему показалось жарко, он надел солнцезащитные очки. Хорошо, гостиница располагалась неподалеку, по местному измерению. Быстро пройдя паспортный контроль, он попал в центральный зал. На плакате было написано: «Не думай, что ты самый умный, здесь все евреи». Сэм засмеялся, в этот момент раздался звонок.

– Ну, и снова здравствуйте, —на еврейский манер протянул Сэм, —мы-таки уже здесь.

Звонил его старый друг, с которым он учился в Америке и который переехал потом в Израиль.

– Шалом, —ответил мягкий баритон, —машина тебя ждет уже, черный мерседес с кондиционером. Он отвезет тебя прямо на место, ты располагайся,

я подъеду.

Перекинув мягкую сумку через плечо, Сэм вышел. «Интересно, как я найду машину», – подумал он, но явно недооценил уже пять лет живущего в этой стране Леню. У одного господина из встречающих у входа он увидел свое имя, написанное почему-то на двух языках. Он помахал ему рукой.

– Добро пожаловать на Святую землю, – сказал высокий мужчина неопределенного возраста.

Сэм с интересом рассматривал деловую столицу: живописные пальмы по дороге и целые оазисы розовых и ярко-сиреневых кустов. То, что это пустыня, заметно было только по белому песку. Огромные дома-близнецы выстроились стройными рядами, везде были вывески на иврите, многие на русском языке. Движение здесь было правосторонним, пришлось сделать пару виражей, чтобы попасть к стеклянным дверям отеля. Видно было, что он небольшой, но уютный. В холле его радушно встретила девушка, говорящая на чистом русском языке, немного с украинским акцентом. «Все-таки я, значит, больше похож на русского, чем на американца», – подумал Сэм.

Номер оказался небольшим, с громко работающим кондиционером. Окна выходили на набережную Яффы, до которой было рукой подать.

«Вечером обязательно пройду», – заверил Сэм

себя. Он принял ванну и решил немного вздремнуть. Сколько он проспал, он не знал, но проснулся оттого, что замерз от зверски работающего кондиционера и голода. На табло телефона светилось пять пропущенных вызовов от Лени – ну конечно, он все проспал! Наскоро надев джинсы и майку, он быстрыми шагами пошел к лифту, одновременно набирая телефон друга.

– Леня, привет, проспал все, – сказал он расстроенно.—

Не мудрено, Сэмчик, тут у нас Святая земля, и вся ваша суэта земная уходит, как только здесь оказываешься, вот ты и вырубился, – философски заключил Леонид. – Жду тебя внизу, заказать тебе кофе?

– С удовольствием, – облегченно выдохнул Сэм.

Он ничуть не изменился и даже помолодел. Леня сидел в фойе, закинув ногу на ногу так, чтобы полностью демонстрировались его дорогие ботинки. Он всегда был одет безупречно. Голубая рубашка в белую тонкую полоску выигрышно смотрелась на смуглой коже, бездонные голубые глаза вызывали доверие после пары минут общения с ним.

Они обнялись.

– Хорошо выглядишь, – сказал Сэм. Он помнил, как пять лет назад Лению экстренно увозили из Америки со страшным онкологическим диагнозом. Слава Богу, израильская клиника его брата сотворила чудо,

и вот он сидел слегка округлившийся, с проступающим румянцем перед ним.

– Как здоровье? – спросил Сэм, потягивая двойной эспрессо.

– Все слава Богу, – Леня поднял вверх голубые глаза, – не дождетесь! Я уже предварительно узнал по поводу твоей просьбы, нужна будет экспертиза, это займет некоторое время, и, конечно, результат я тебе не гарантирую, – развел руками Леня.

– Да, конечно, я понимаю, – Сэм снял с шеи железный диск на цепочке из желтого металла и протянул другу. Тот внимательно разглядывал его.

– Язык пока непонятен, многие буквы стерты, но я сделаю все, что могу, – заверил он.

– Слушай, – сказал Сэм, – я ужасно голоден, пойдем пообедаем.

– В гостинице я не советую, тем более недалеко отсюда, на набережной, есть прекрасный рыбный ресторан, но я спешу, у меня еще встреча. Моя туристическая компания при этом к твоему полному распоряжению, – он прижал к груди руку. – Советую за эти три дня посетить все экскурсии, которые я тебе подготовил, ты будешь впечатлен!

– Огромное спасибо тебе, конечно! – ответил Сэм.

– Завтра не проспай, в 9 утра уже приедет водитель. И не ешь много на ночь, я после семи уже не ем!

– Я еще не так стар, – отшутился Сэм, хлопая Леню по плечу.

– На связи, я заеду, – он поднялся, что-то бросил девушке на иврите и, помахав рукой у дверей, растворился в темноте улицы.

Только сейчас Сэм увидел, что уже стемнело. Ну что же, пойдём искать ресторан.

Набережная Яффы представляла собой длинную пешеходную дорожку вдоль моря. На каждом шагу стояли различные тренажеры, навстречу попадались молодежь в коротких спортивных шортах, в наколенниках и секундомером в руках. Мимо пронеслись подростки на разноцветных скейтах. Видно было, что это место очень популярно и у местных жителей нет привычки после работы бежать к телевизору на мягкий, уютный диван. Сама атмосфера и климат располагали к долгим, пешим прогулкам – воздух был пропитан смесью экзотических цветов, соленой свежестью разбивающихся о каменные плиты волн пенящегося моря. Рестораны сменяли друг друга, они были через каждые сто метров, но рекомендованный Леной не встречался еще. У Сэма появилось желание войти в первый попавшийся, но он решил достичь своей цели. Пройдя еще двести пятьдесят метров, он уже подумал, что прошел мимо, и решил спросить прохожих.

– О! Это совсем недалеко, – ответил парень в яркосиней футболке, – еще, наверно, километр, и Вы на месте, – радостно заверил он.

Километр! Сэм аж присел. «Наверняка у евреев другие понятия о расстояниях, – подумал он, – вспомнить даже Моисея, который сорок лет водил свой народ по пустыни! Ну что же, придется идти».

Наконец голубым светом замигали заветные буквы, и он прибавил шаг. Это было одноэтажное здание, с виду больше похожее на пещеру, он вошел внутрь. Столики были небольшие, расположенные вокруг бара, было непохоже на дорогой европейский ресторан. Он выбрал место слева от входа. Мягкий оранжевый свет падал на стол от гипнотически раскачивающегося светильника. На стене висела картина знаменитого библейского сюжета, когда Петр накормил рыбой всех христиан.

– Двойной эспрессо, стакан льда в пивной кружке, – официант удивленно посмотрел, но тут же быстро записал и кивнул.

– Еще воот такую отбивную, – Сэм показал от ладони до локтя, – прожарки медиум ре.

Официант улыбнулся.

– У нас рыбный ресторан, есть совершенно свежая рыба, по оригинальному рецепту повара.

– Хорошо, – согласился Сэм, – пойдет и, пожа-

луй, еще бокал вина, белого сухого. Он оценил время обратного маршрута и одетые на голые ноги кроссовки. Со скоростью скатерти-самобранки его стол стал заставляться разнообразными блюдами. Принесли хумус, посыпанный доброй порцией кунжута, аппетитную рыбу с хрустящей корочкой. Далее шла пита, свежие овощи, утопающие в зелени, солености. Сэм уже засомневался, не сказал ли он какое-то волшебное слово.

– Это, – он указал официанту на кофе, – туда, – показывая на кружку со льдом. Официант удивился и еще раз провел по воздуху пальцем, уточняя.

– Да, – кивнул Сэм.

Он всегда так пил кофе, шокируя все рестораны мира. Рыба была на удивление свежая и красиво оформлена на шубе из легко прожаренных овощей. Когда же принесли счет, он подумал, что это за целый ресторан, но, взглянув в глаза официанта, у которого читалась вся боль еврейского народа, молодой человек решил не портить себе настроение и оставил щедрые чаевые. «Обратный путь всегда короче», — успокаивал он себя. Так и вышло, вот уже почти родные стеклянные двери и та же улыбчивая девушка на ресепшен.

– Доброй ночи!

– Взаимно!

Сон окутал его мягким облаком – действительно,

на этой земле удивительно сладко спится.

Ласковый солнечный луч, проникший в незашторенное окно, разбудил Сэма непривычно рано. Но утро выглядело так беззаботно и незнакомая страна за стенами отеля обещала полноту наступающему дню.

На завтраке он встретил всего лишь пару посетителей отеля и, быстро перекусив, вышел. Легкий утренний ветерок шевелил его густую иссиня-черную шевелюру, он даже не знал, куда предстоит его путь.

Глава 2

В Вышгород пришла весна, покрылись белым цветом деревья. Андрей всю зиму готовился в Ростово-Суздальское княжество. Вечерами с воеводой, Никоном и Миколой сидели они с картою. Андрей говорил резко и отрывисто, казалось, ему не в мочь уже здесь находиться.

– По Днепру пойдем, – водил он пером при мерцающем свете лучины, и уже этот путь казался мистическим.

– Затем, – продолжал он, – поднимемся по левому ему притоку Вязьме, с верховьев Вязьмы волоком пойдем, – он ткнул перстом в жирную точку на карте. – По Ваузе спустимся в Волгу или от Ваузы по сухопутной дороге пойдем до Клязьмы, через поля Рогожские.

– Горяч ты, князь! Эдак путь нам отмерил, зачем нам крюк такой делать? – спросил воевода, почесывая лоб.

– Молчи да слушай! – сверкнув глазами, ответил Андрей. – Дело у меня есть, Кучковичи мне нужны в Ростове, Аким и Илья. Отец мне их еще сызмальства в службу определил. Слышал я, они имеют власть там немалую, селами обросли, в тереме княжеском живут, отцом моим построенным, вот у них и остановимся! Послал гонца? – Андрей посмотрел на писаря.

– Так десяток дней назад еще, – подтвердил тот.

– Отцу-то никто не доложит? Погоню пошлет за нами, разгневавшись.

– Нет, могила, князь.

– Ладь чтоб под гербом моим шли, со львом.

– Как велишь, князь, все сделано будет.

– Икону чудотворную нам с собой взять нужно из монастыря!

– Не отдадут нам ее по добру, – нахмурился Никон.

– Выкрасть, значит, – повысил голос Андрей.

Никон с Миколой перекрестились, воевода продолжал кропеть над картой.

– Разве можно, княже? Это же святыня, ее сам Лука писал с Богородицы, к тому же это подарок отца, по наследству князь Юрий тебе и передаст.

– А я наследство сразу и беру, не чужое! Она от

стены отходит и показывает, что уйти хочет!

Они поспешно закивали.

– Ночью пойдете, – продолжал Андрей, – привезете на обозе да в парчовую ткань заверните, самую лучшую возьмите! Завтра вас ждем и трогаем! Подите! – Князь махнул рукой, они быстрыми суетливыми шагами покинули сени.

Ночь была тяжелая, Андрею снился разгневанный батюшка, он махал кулаками, сверлил Андрея сердитым взглядом, тянул к нему длинные руки, подобно древнему Артаксерксу, желавшему получить все и всюду. В какой-то момент он уж было дотянулся до него, но молодой князь проснулся. Он встал, умылся из ковша, сел на лавку у стола.

«Поехать без благословения грешно, – думал думу он. – А просить, отец все равно не даст да охрану усилит. Вече его не только как править велит, но и с кем спать. Негоже так с царем обращаться, никогда бояре в ладу с князем не будут! Из-за постоянных набегов степняков, междоусобных войн князей, жизнь в Киевском и других княжествах была достаточно опасной и люди все больше стремились переселиться в места, недоступные для набегов половцев, печенегов. да и с запада недобрым взором косились на благодатные русские земли.

Андрей понимал – слишком близко к границе стоит Киев-град. Намного лучше и дальше от врагов рас-

положен Владимир. Сердце земли Русской легче защитить в глубине бескрайних просторов отечества.

– Новую столицу возводить буду, – пришло к нему окончательное решение. – Пора собирать русские земли и жить по Божеским законам.

Он вытащил аккуратно сложенную в тряпицу панагию, на ней было написано: «Един Бог на небе, един Царь на Земле». Этот бесценный подарок передала ему бабушка. «Береги ее, Андрюшенька, это царя Соломона», —наставляла она его. Он бережно завернул ее обратно. «Князь решил —князь свершил», —вспомнил он вдруг и забылся до утра.

День прошел в суете, сборах, и вот уже все было готово к отъезду: кони ржали, вокруг стояли битком набитые повозки, перетянутые соленой кожей и перевязанные для пущей сохранности бечевками, где-то отваливались уже деревянные колеса, их наскоро чинили. Дружина ощущала пьянящее чувство новизны, и это настроение летало в воздухе, сменяя грусть об оседлых здешних местах. Ждали Никона и Миколу с самой ценной реликвией.

– Идут, – раздались хриплые голоса дружинников.

– Идут, – вторили им.

– Можно трогать! – приказал Андрей.

Он обернулся, позади ровными рядами шла его конница. Везли лады, скрипели телеги, слышалась песня

с дальнего эшелона, которую подхватывали стройные мужские голоса:

Каждый жизнь готов закончить,

Помогая своему другу,

Вновь пускалась вдохновенно

Чаша-братина по кругу!

Сгибок стяги чуть колышет,

Над великою дружиной —

Будет пройден путь нелегкий

До победы нерушимой!

Много дней они провели в дороге, останавливаясь на ночлег. Два дня попиrowали в Москве по случаю прибытия князя земли великой Ростово-Суздальской к Кучковичам в Москву. Наконец, добрались. До града Владимира-на-Клязьме по карте оставалось одиннадцать верст. Дорога пролегла по высокому берегу реки Нерль, впадающей в Клязьму. В этом месте Нерль Клязьменская сходилась с Нерлью Волжской, образуя важнейшую для северо-восточной Руси водную дорогу, самый оживлен-

ный

торговый путь.

Не обойти, не объехать, — довольно улыбнулся князь.

Вот уже несколько дней пребывал он в прекрасном расположении духа, наслаждаясь родными просторами. Завезенные отцом вишни местные жители рассаживали повсюду, и яркие ягоды сочно перелива-

лись на солнце. Вокруг стайками вились причудливые птицы, ища себе пропитания.

Вдруг сзади послышался гул голосов, Андрей остановился.

– Что случилось? – спросил он у подоспевшего Никона.

– Дак сейчас узнаю, – он поскакал в глубь отряда, вернулся наскоро, поправляя то и дело падающую ему на лоб шапку, подаренную князем, явно не по размеру.

– Лошади встали! Повозка не идет!

– Сахар дайте! – приказал князь.

– Давали, – Никон насупился, – сожрали и стоят дальше, ироды!

– Так коней поменяйте!

– Меняли, – махнул рукой слуга, – и те встали!

– Чудны дела! – воскликнул Андрей и поскакал за Никоном.

Перед ними предстала необычная картина: кони, как ополоумевшие, били копытами, но не шли вперед. Как будто неведомая сила не давала им ни шагу ступить. Уже темнело, мягкий розовый закат опускался за горизонт.

– Что в повозке? – спросил Андрей.

Никон полез и через минуту вылез.

– Ой! – воскликнул он. – Так икона тут, Богородица, – он перекрестился, Андрей за ним, снимая алуя

Глава 3

Вот уже больше часа Сэм ехал по ровной дороге, открывающей ему быт местных жителей. Они выехали за город, и водитель с удовольствием рассказывал ему о легендах этого места. Чем ближе они подъезжали, тем больше Сэма охватывало незнакомое ему чувство сродни тревоге и волнению. Вот перед ними открылась во всей величественной красе огромная гора, сплошь покрытая зеленью и даже, как ему показалось, еловыми кустами, вершина ее уходила прямо в плывущие облака. Впереди показалась длинная бетонная стена, похожая на Берлинскую, тянувшаяся несколько километров. – Я останусь здесь, – сказал ему пожилой водитель, разговаривающий с легким акцентом. – Сейчас

Вас встретят, Вы поедете на автобусе, это уже территория Палестины.

Впереди стояли люди с автоматами, в военной форме, на их ничего не выражающих лицах читалось равнодушие и усталость. «Интересно, насколько рискованна данная поездка? – подумал он, но спросить не решился. – Надеюсь, Леня знает, что делает!» – и двинулся к встречающей его в белом платке женщине, отчаянно махавшей руками.

– Мистер Сэм?

– Да, – ответил он.

Она явно обрадовалась, оголив белые зубы, лицо ее было больше похоже на печеное яблоко, черная одежда спускалась до пола. Сэм хотел поздороваться за руку, но вовремя вспомнил, что делать здесь этого категорически нельзя.

– Мы сейчас пройдем паспортный контроль, потом отправимся в Вифлеем вон на том автобусе, — она махнула рукой в сторону выдавшего виды транспорта.

После предоставления паспорта стражу порядка тот кивнул и махнул в сторону автобуса. «Даже визу не проверил», – удивился Сэм.

– Мы скоро поедем, еще ждем, а Вы пока можете пройти в магазины по этой улице и выбрать себе сувениры на память, – продолжила гид. Сэм утвердительно

кивнул и направился в первый попавшийся магазин. Откуда-то, как из ларца, возник улыбающийся продавец и стал предлагать ему все по очереди сувениры с невероятной скоростью.

– Жук скарабей из дерева на счастье, – он зачем-то постучал им о полку, – иконы в серебряном окладе, свечи, все с символикой Вифлеема, – добавил он, – там Вы ничего не купите.

Дальше он достал кресты, тарелки с видами города, кувшины, медные турки с длинными ручками. Стало жарко, у Сэма выступила испарина.

– Эту икону в серебряном окладе, – сказал он, указывая на улыбающуюся Деву Марию.

– О! Отличный выбор, – потер руки продавец. — Вифлеемская Божья Матерь, только на этой иконе она улыбается, сто пятьдесят долларов.

Сэм быстро протянул деньги – продавец, кажется, даже обиделся, что с ним не торговались.

В небольшом обшарпанном автобусе уже сидела группа людей, он присел за водителем. Все громко о чем-то спорили, он прислушался: успокаивали расплакавшуюся милую девушку, муж которой пропал где-то, пока она выбирала сувениры.

– Ну что же Вы так волнуетесь? Сейчас вернется!

– Так у него паспорта наши, – она прижала уже и так мокрый платок к лицу. – И деньги!

– Тю, вот если бы Вы пропали, мы бы волновались, – с явно украинским акцентом протянул мужчина, сидевший рядом.

Весь автобус засмеялся, Сэм тоже.

Наконец, несчастный покупатель, зашедший, как ему показалось, быстренько в другой магазин, к счастью, вернулся, и автобус тронулся по пыльной дороге, извергая едкий дым солярки. Гид на плохом английском рассказывала о городе и о первом пункте посещения – церкви Рождества Христова. Дорога в городе была похожа на серпантин. У Сэма создалось ощущение, что он попал в другое измерение.

Открытые сувенирные лавки, сапожные мастерские, лари с фруктами, которые, падая на мостовую, катились вниз, где их подхватывала, смеясь, босоногая детвора. На узких улочках, простоявших полторы тысячи лет, практически невозможно было разъехаться, и все сигналили друг другу. В основном машины были старые, где-то Сэм увидел даже советского времени «копейку», непонятно как занесенную сюда. Вдруг автобус лоб в лоб стал с шикарным мерседесом, возможно единственным здесь. Водители громко кричали друг другу на непонятном языке и махали руками, в конце концов мерседес попятился назад, водитель автобуса стал от счастья громко петь песни, и голос гида, как она ни пыталась его повесить, смешался с его народными напевами. Он был так отчаянно

паразителен, что Сэм стал выбивать ритм ногой.

Дорога резко пошла вниз, впереди двигалась вереница автобусов. В это время в открытое окно он увидел паренька, протягивавшего всем связку алых свеч и выкрикивавшего: «Два доллара!»

– Два доллара, сэр!

Сэм вытащил из кармана деньги, нашел десять долларов и протянул ему с уверенностью, что тот сразу же исчезнет, так как мальчишка стал отставать от автобуса. Ан нет, на следующем заторе он возник, с акробатическим изяществом подпрыгнул и стал забрасывать свечи в окно.

– Хватит, спасибо! – крикнул Сэм. Парень забежал вперед, театрально поклонился и побежал догонять следующих покупателей.

Автобус остановился, открыл двери, тем самым показывая, что группе быстрее дойти, чем ему доехать.

Сэм вылез, дорога круто повела вниз, с непривычки ноги несли сами собой, и ему приходилось тормозить пятками. Справа виднелась площадь, слева – дорога к храму. Гид махала платком, показывая своей группе ориентир. Сэм оказался возле нее.

– Мы сейчас пройдем через врата смирения и попадем в храм.

Врата оказались очень узкими, ему пришлось пригнуть голову, чтобы туда попасть.

– Это сделано специально, – пояснила она. – В те века принято было ездить на ослах, и, чтобы избежать осквернения, церкви сделали вот такой узкий вход. Они прошли по расписным плитам, в середине зала часть пола была разобрана и выставлены заграждения. В храме было столпотворение: арабы, православные, христиане; языки, люди, лица – все смешалось. И вдруг, несмотря на общий шум, Сэму показалось, что он все понимает, и он продвинулся за гидом.

– Там алтарь и иконостас православной конфессии. Свечи здесь горели особенно ярко, к иконе была огромная очередь. Сэм подошел к иконе Богородицы и взгляделся в Ее лицо, Она посмотрела на него живыми глазами. и Сэм не удивился. Над головой вдруг проплыли и растаяли в дымке от лампад два белых крыла, а в душе застыло состояние причастности к тайне мироздания. Пытаясь снять оцепенение, он двинулся дальше. Одновременно несколько гидов вели экскурсии, и разобрать голоса не представлялось возможным. Группа собралась у неширокой лестницы, ведущей вниз. Сделав по ней пару шагов, Сэму пришлось отступить наверх: кто-то впереди идущий потерял обувь и возвращался в надежде ее найти, но никого это не раздражало, наоборот, было некое единение со всеми людьми на Земле. Наконец, естественно двигаясь за толпой, он попал в Грот. Вот она, серебряная звезда, где родился Спаси-

тель. Все по очереди наклонялись в Грот, завешанный шторами, и целовали звезду, некоторые же устраивали фотосессии. Сэм решил не доставать фотоаппарат. Он наклонился над звездой, золотой свет от горящих лампад подчеркивал ощущение таинства. «*Hic de Virgine Maria Jesus Christus natus est*» —прочитал он по латыни: «Здесь Дева Мария родила Христа».

Глава 4

Княже! Княже! – голос Микола был встревожен. – Андрей, письмо от братьев твоих!

– Тихо ты, напугал, давай-ка!

Андрей увидел герб Братства тамплиеров.

– Братство Бедных слуг Христовых всадников Девы Марии

Иерусалимской Богородицы Соломонова братства, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.